

новой импульс человеческого поведения. Страсти обузываются не разумом, а одна другой. Любопытно, что истинными учителями «науки о нравственности» Бэкон называет не моралистов и философов, а историков и поэтов: «Они одни, — говорит Бэкон, — представляя нам как бы живую и анатомическую картину, учат нас, каким образом можно сначала вызывать и зажигать страсти, а затем умерять и усыплять их; а также, каким образом можно их обуздывать, укрощать, удерживать от внешнего проявления в поступках; каким образом также, несмотря на все усилия для обуздания и скрытия их, они все-таки обнаруживаются и выдают самих себя; на какие деяния они вызывают... как борются и, так сказать, бьются друг с другом и множество других подробностей такого рода» (стр. 491—492).

Что же представляет собой классицистический театр, как не «живую анатомическую картину» страстей, их борьбы и столкновений? И не больше ли объяснит в этом театре бэконовская аналитика, анатомически рассекающая «неизменную» природу естественного человека на ее отдельные и также неизменные «способности», нежели формально логические, абстрактные «сущности» «универсального разума» Декарта? Ведь вся суть в том, что если предложенный Декартом сугубо логический метод познания и может кое-что, хотя далеко не все, объяснить в художественном методе классицизма, то его содержания логика Декарта раскрыть никак не может в силу формального характера ее «сущностей».

Во избежание недоразумения оговариваемся заранее: суть вопроса состоит не в том, кто «влият» на художников классицизма — Декарт или Бэкон или какой-нибудь другой философ. Дело в общем характере и основном направлении развития общественной мысли эпохи абсолютизма. Декарт только один из представителей этой мысли и полностью ее своеобразия не выражает. Тем самым в пределах сопоставления с одним только Декартом (по сути дела современником классицизма) своеобразия и генезис последнего раскрыты быть не могут. Короче говоря, необходимо, не отрицая известной общности классицизма с философией Декарта, посмотреть, что сближает классицизм с другими, не представленными у Декарта характерными особенностями материалистической и в то же время рационалистической и метафизической философии эпохи абсолютизма, о которых дают нам представление философские учения Бэкона, Гоббса, Гассенди.

Искусство и философия тесно сближаются друг с другом не только в гносеологической сфере, но и в сфере этики. И вряд ли